

НЕСЧАСТНЕЙШИЙ

Пер. Ю. Балтрушайтиса

Источник: Керкегор С. Несчастнейший. М.: Библ.-Богосл. ин-т св. ап. Андрея, 2002. С. 17-28.

Где-то в Англии должна быть, как известно, могила, замечательная не великолепным памятником или унылыми окрестностями, а лаконической надписью - *несчастнейший*. Говорят, могила была вскрыта, но от трупа не оказалось ни следа. Чему же больше удивляться: тому ли, что не оказалось трупа, или тому, что вскрыли гроб? В самом деле странно, что старались узнать, был ли кто в гробу. Читая имя в надгробной надписи, очень легко увлечься мыслью, как протекла жизнь человека на свете, и может явиться желание сойти к нему в могилу и вступить с ним в беседу. Но эта надпись столь многозначительна! У книги может быть заглавие, возбуждающее желание прочесть ее, но иное заглавие может быть настолько глубокомысленно само по себе, лично настолько заманчиво, что никогда не захочется прочесть книгу. Воистину потрясен ли, радостен ли человек, эта надпись столь многозначительна для всякого, кто в глубине своей, может быть, тайно сроднился с мыслью, что он - несчастнейший. Но я могу представить себе человека, чья душа не знает подобной заботы; ему было просто любопытно узнать, действительно ли был кто-нибудь в гробу. И, смотрите, гробница была пуста. Может быть, он снова воскрес, может быть, он хотел посмеяться над словами поэта:

*... в могилах - покой,
Жильцы их не ведают скорби людской;*

он не обрел мира даже в гробу, может быть, он снова бесприютно блуждает по свету, покинул свой дом, свой очаг, оставил только свой адрес! Или он еще не найден, он, несчастнейший, кого даже Евмениды не преследуют, пока он не найдет двери в храм или скамьи смиренно молящихся, но кого скорби окружают в жизни, скорби сопровождают в могиле!

Если же он еще не найден, то предпримем мы, дорогие *Ευμταρα-νεχρωον*^[1], как крестonosцы, паломничество, не ко святому гробу на счастливом востоке, а к скорбному гробу на несчастном западе. У этого пустого гроба будем мы искать его, несчастнейшего, в уверенности найти его; ибо, как тоска верующих стремится ко гробу святому, так несчастных влечет на запад, к этому пустому гробу, и каждый исполнен мысли, что он предназначен ему.

Или же подобное размышление мы сочтем недостойным предметом наших дум, мы, чья деятельность, если я должен следовать священному обычаю нашего общества, есть попытка неожиданного афористического благоговения, мы, что не мыслим и не говорим афористически, но живем афористически, мы, что живем *αφορσιζεον*^[2] и отторгнутые, как афоризмы в жизни, вне общения с людьми, непричастные к их печалям и радостям, мы, что являемся не созвучием в жизненном шуме, но одинокими птицами в ночном безмолвии, собравшимися один-единственный раз, дабы проникнуться назидательным зрелищем ничтожества жизни, медлительности дня и бесконечной длительности времени, мы, дорогие *Ευμταρανεχρωον*, не верящие ни игре радости, ни счастьем глупцов, мы, кто ни во что не верит, кроме несчастья.

Смотрите, какую несметную толпою теснятся они, все несчастные. Все же много их, считающих себя званными, но мало избранных^[3]. Необходимо установить строгое различие между ними - одно слово, и толпа исчезает; как незваные гости, исключаются все, кто думает, что смерть - величайшее несчастье, все те, что стали несчастны, потому что боятся смерти; ибо мы, дорогие *Ευμταρανεχρωον*, как римские солдаты, не боимся смерти, мы знаем худшее несчастье, и прежде всего - несчастье жить. Ведь если был человек, которому нельзя было умереть, если правда то, что говорит предание о Вечном Жиде^[4], то